

НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

ГУМАНИТАРНАЯ
ХРОНИКА

В декабре 2014 года в стенах Белгородского национального исследовательского университета состоялся Круглый стол. Участниками его по большей части были научные сотрудники и преподаватели социально-теологического факультета. Этот не совсем обычный формат — обсуждение в региональном университете наиболее острых и дискуссионных проблем современной науки при участии ведущих отечественных ученых — предложил чл.-корр. РАН **Б.Г. Юдин**, который и стал главным модератором мероприятия. Есть основания полагать, что, если “полевые испытания” окажутся удачными, этот формат может стать важным инструментом развития университетской науки в регионах.

В центре дискуссий оказался относительно новый научный феномен: быстрое расширение круга дисциплин, в том числе и вполне традиционных для естественных и технических наук, которые обращаются к изучению человека. Дело в том, что сегодня резко меняются и роль, и структура наук о человеке и даже сами установки его исследования: он все чаще оказывается объектом не столько “чистого” познания, сколько *преобразования, проектирования и конструирования*.

Именно на этом феномене сосредоточился во вступительном слове Б.Г. Юдин. Сегодня, подчеркнул

он, меняется само дисциплинарное содержание наук о человеке. В круг таких наук все чаще попадают многие естественнонаучные и технические дисциплины. Как же в этом контексте меняется проблематика и содержание “традиционных” наук о человеке? Как меняется сама структура гуманитарного знания и его место в культуре, как классические гуманитарные научные дисциплины уживаются с набирающей силу “технонаукой”? И как отражается на их традиционных ценностных установках то, что эти науки все чаще участвуют в создании технологий, призванных воздействовать на человека и изменять его?

Разумеется, внушительный круг проблем, очерченный во вступительном слове, неподъемен для небольших групп региональных исследователей. Не совсем ясно даже, как будет подступать к нему современное гуманитарное знание в целом и, в частности, философия, которая переживает очередной виток “затерянности в новом времени”, утрачивает еще недавно незыблемый статус “догматической царицы наук о человеке”, уступает все новые и новые фрагменты своего традиционного предметного поля частным дисциплинам, в том числе естественнонаучным. Осталось ли на долю философии сегодня что-то кроме морализирования (или, если по-со-

лидному, “этической экспертизы”) ? Впрочем, справедливости ради вспомним, что в предчувствиях М. Фуко человек “умер” задолго до технологических проектов современных трансгуманистов, конструктивистских теорий и шокирующих лозунгов его преобразования...

Правда, сам Б.Г. Юдин начал разговор об исследованиях человека не с определения сфер влияния тех или иных наук. Когда речь идет о постижении природы человека, жесткое разграничение наук само по себе выглядит некоторой натяжкой. Новым ориентиром в этом вопросе может послужить позиция Роджера Смита [4], который предложил разграничивать науки по ракурсу изучения тех или иных сторон человека. Главная установка гуманитарных наук при этом остается просветительски неизменной: в человеке важнее всего его моральная составляющая; при этом человек остается константным понятием, которое не требует дополнительных определений. А каковы тогда пределы допустимости вторжения в человека, “улучшения” его природы, то есть, по сути, существуют ли какие-то внешние пределы для самой науки?

Может возникнуть вопрос, а не следует ли тормозить и развитие биомедицинских или техно-медицинских терапевтических технологий, если они направлены не столько на традиционные гуманистические задачи улучшения или спасения человеческой жизни, сколько на изменение человека? Между тем культура — образование, язык, искусство и т.д. — по сути, точно так же изменяет его, и гуманитарии это всячески приветствуют как “позитивное преобразование”, в то время как аналогичное воздействие биологических, информационных или медицинских технологий тревожит, заставляет задумываться о потенциальных последствиях. Так, даже прием безобидных таблеток от головной боли может привести к кардинальному “преобразованию” природы человека, и не только через два-

три поколения, но и на протяжении жизни индивида. Что уж говорить о замене органов, вживлении имплантатов и других целенаправленных технологических воздействий! И не есть ли “органы, изготовленные на принтере” та же самая таблетка от головной боли, только другого масштаба воздействия? И вновь все становится проблематичным и не таким самоочевидным. Неслучайно Б.Г. Юдин напомнил историю английского художника Нила Харбиссона. Художнику, страдающему дальтонизмом, вживили киборгизованный глаз, преобразующий цветковые сигналы в звуки. Молодой человек не только получил возможность видеть мир в красках, — многие лица и сооружения приобрели для него свою музыку. После этого он добился не больше и не меньше как официального признания себя киборгом.

Здесь перед нами пример уникального самосознания человека технологического, требующий нестандартных интерпретаций и философских решений. Например, определить, где кончается лечебное протезирование и начинается расчеловечивание...

Со вторым вступительным словом выступил ректор Белгородского национального исследовательского университета профессор **О.Н. Полухин**. Он выделил два магистральных направления в создании технологий изменения человека: одни воздействуют непосредственно на индивида, другие изменяют природную и общественную среду, в которой протекает его жизнь. Последние менее заметны для непосредственного наблюдения (и, соответственно, вызывают меньше споров), однако воздействуют на личность куда сильнее. Ведь мы не рождаемся с готовыми ценностными установками, мы получаем их извне.

Провокационное вступление достигло своей цели: обсуждение стало напоминать “мозговой штурм”. Реакцию большинства участников на услышанное можно определить, как тотальное неприятие посяга-

тельств любого масштаба на вторжение в природу человека (вплоть до употребления тех самых таблеток от головной боли). Никто не вправе изменять заданную Богом природу человека.

С этой точки зрения весьма характерно выступление доцента **Е. Н. Мотовниковой**. Она видит «место гуманитария в обществе как просветителя, педагога, практического философа, призвание которого — наблюдать, анализировать, интерпретировать и обсуждать с людьми их человеческое начало, духовную природу человечности, культуры, искусства, помогать людям сохранять свое достоинство и свободу. Гуманитарий лучше других понимает, что «традиционные ценностные установки» — истина, преодолевающая заблуждение, добро, спасающее от зла, и красота, украшающая безобразие — это вечные ценности, их же не превзошел и не отменил наш технический мир». Е.Н. Мотовникова не согласна с распространенными сегодня утверждениями о постигшей нас «антропологической катастрофе» — падении массового культурного генофонда, потере людьми многих элементарных человеческих качеств и с тем, что испорченность нравов и психики требует какой-то «починки» и надежного внешнего технико-технологического контроля «вместо устаревшего морализаторства». Напротив, «и в настоящих условиях болезненных социальных трансформаций, кризиса общественной морали, идеологического хаоса люди остаются людьми и ориентируются в сложном мире с помощью той же системы координат — системы вечных ценностей, в отличие от сомнительных, как минимум, амбивалентных целей и задач, которые ставят перед собой «преобразователи», «проектировщики» и «конструкторы» некоего мнимого объекта — «будущего человека». Чаще всего, к сожалению, это псевдонаучное прикрытие вечных, очень простых, эгоистических устремлений к господству и присвоению.

Подобной реакции не приходится удивляться, если вспомнить, что дискуссия велась на purely и социальную, но все же теологическом факультете. Сегодня, может быть, только в православном сегменте нашей культуры и гуманитарного знания сохранилась непоколебимая убежденность в том, что «есть ценностей незыблемая скала над скучными ошибками веков» (О. Мандельштам), и непримиримость к любым сомнениям на этот счет. А хорошо это в наше время или плохо, — спорить бессмысленно, тем более, в рамках круглого стола или отчета о нем...

Скорее следует удивляться тому, что звучали и выступления совсем в другой интонации. Так, доцент **С.А. Кутоманов** напомнил, что изменения современного информационного мира происходят гораздо быстрее, чем нам, может быть, хочется, «поэтому невозможно создание ценностных установок на длительное время (или навсегда), так как мировоззрение человека изменяется несколько раз на протяжении жизни всего одного поколения». Даже относительно молодые 40-летние люди успели пожить в советской стране, испытать все прелести ниглизма перестройки и начали адаптироваться к реалиям рыночного мировоззрения. О какой истине и красоте в этом случае можно рассказывать молодым: коммунистической или капиталистической, или какой-то абстрактно-гуманистической, то есть... никакой? Молодежь хорошо чувствует фальшь, — считает молодой ученый, а мы должны быть профессионалами, а не только любителями абстрактной чужой мудрости. Технологии — это неотъемлемая часть современного общества. «Надо признать, что человеку придется трансформироваться и подстроить не только технику под себя, но и себя под технику, хочет он этого или нет. Поэтому сегодня мы наблюдаем быстрое развитие и трансформацию гуманитарного знания, пытающегося осмыслить место человека в этом новом мире, по-

мочь ему чувствовать себя в нем комфортно. Таким образом, можно отметить, что, по нашему мнению, гуманитарные науки не предают свои традиционные ценности, занимаясь не только познанием человека, но и созданием технологий, направленных на то, чтобы воздействовать на него, изменять его.

Гуманитаристика занимается тем же, чем занималась всегда: помогает человеку подстроиться под окружающий мир. Только теперь это происходит в других реалиях”.

И все же мысль о том, что развитие науки со всеми сопутствующими ему социальными переменами — процесс объективный и какой бы ущерб он не наносил традиционной морали и сложившимся веками социальным отношениям, его все же нельзя приписывать идеологическому заговору тех или иных сил — эта мысль осталась на периферии дискуссии. Преобладал же другой настрой. Так, профессор **А.Д. Майданский**, напомнив аудитории размышления постмодернистов о человеке, задал риторический вопрос: почему никто не переживает по этому поводу и не обсудит, не их ли идеи подготовили современные технологические проекты человека? Ведь радикальная критика разума, в том числе и научного, далеко не новость, постмодернисты лишь придали ей особый стиль — вызывающий и шокирующий, с повышенным интересом к психическим расстройствам и фиксации на вещах, которые принято считать отталкивающими и грязными: не существует никаких высоких идей и идеалов, у реальности нет второго дна, “нет больше ни глубины, ни высоты”. В мире реальны лишь *поверхности и тела*, в которые “проваливаются сами и сталкивают другие тела в некую всеобщую выгребную яму” [1]. Уметь видеть “несокрытое”, лежащее на поверхности, — таково, по мнению А.Д. Майданского, кредо постмодернистской философии. Поверхностью человеческого существа является *кожа*, ей они и уделили самое пристальное

внимание. “Необходимо понять, что глубочайшее — это *кожа*”, — внушает читателю Делёз, который часто сочувственно цитирует поэта Поля Валери: “Самое глубокое в нас — *кожа*, мы живем на поверхности *кожи*”. И в руках Делёза философия превращается в “общую дерматологию, или искусство поверхностей”: “Философ теперь не пещерное существо и не платоновская душа-птица, а плоское животное поверхности — клещ или блоха” [там же, с. 93]. А ведь когда-то она считалась “живой душой культуры” (Маркс)! Привычное место *истины* у постмодернистов занимает *смысл*; глубокие *сущности* испаряются, вместо них остаются поверхностные *события*; ну а *всеобщее* разлагается на груды *сингулярностей*. “Мучительная сторона чистого события в том, что оно есть нечто, что только что случилось или вот-вот произойдет; но никогда то, что происходит (вот сейчас)” [там же]. То есть событие неуловимо и субъективно переживаемо и все, что не входит внутрь не существует вовсе. Видимо так, замечает А.Д. Майданский, и строится реальность событий информационного мира: если мы не переживаем картинку, показываемые нам как то, что происходит, то для нас и нет этой реальности вовсе!

Подхватив эту тему, хотя и без обличительного пафоса, профессор **С.М. Климова** попыталась выявить еще более ранние истоки некоторых современных трансгуманистических проектов. Они обнаруживаются, в частности, в известном учении Ницше о сверхчеловеке, которое было никем не разгаданной установкой на человека, преодолевающего *свою биологическую природу*. “Человек — это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, это канат над пропастью” [2, с. 11] — канат, который вот-вот будет обрезан на пути создания искусственного совершенного типа сверхличности. Эту цитату приводят часто, а вот слова о человеке как о вырождающемся типе — гораздо реже: “И ког-

да покинул я единение свое и в первый раз проходил по этому мосту, то не поверил глазам своим, — долго всматривался я и, наконец, сказал: “Ведь это ухо! Ухо величиной с человека! ... Еще пристальнее взгляделся я, и действительно, под ухом шевелилось что-то до крайности жалкое, маленькое и хилое. Чудовищное ухо сидело на слабом тоненьком стебле, а стеблем этим был человек! Через увеличительное стекло можно было даже разглядеть крошечное, завистливое личико, а также пухлую душонку, трепетавшую на стебельке. Народ же поведал мне, что это большое ухо не только человек, но и великий муж, гений. Но я не верю народу<...> это — калека наизнанку, у которого всего слишком мало и лишь одного — чересчур много” [там же, с. 111–112].

“Поистине, друзья мои, хожу я среди людей, словно среди обломков и разрозненных частей человека!

Всего ужаснее для взора моего — видеть человека растерзанным и расчлененным, словно на бойне или на поле брани.

И когда убегают взор мой от настоящего к минувшему — всюду находит он одно и то же: обломки, и разрозненные части, и роковые случайности — но ни одного человека!” [там же, с. 112]. То, о чем человечество даже помыслить никогда не могло, — становится вполне реальным абрисом будущего.

Сегодня все расцвечено в цвета другого смысла: не этические оценки ставятся во главу “наук о человеке”, а принципиально иной вопрос: как, когда и с помощью чего *сделать* человека сверхчеловеком; где та грань (не только технологическая, но и моральная), перейдя которую мы можем уже не просто улучшать качество нашего бытия (жить лучше и дольше, с меньшим числом болезней), а принципиально изменить собственную природу, а может быть, двигаться к вековечной мечте — бессмертию, которого нас лишил Бог за “детское непослушание”.

Впрочем, в “эпоху перемен” даже такая морально бесспорная, казалась бы, цель, как излечение от болезней, выглядяет этически амбивалентной. Развитие медицины хорошо для человека, но ужасно для человечества, указал доктор биологических наук вирусолог **А.А. Чепурнов**. Человечество само себя лишило естественного отбора, который от века был характерен для его природы (вот и странный, казалось бы, тезис о “моральной вредности таблеток” получает поддержку оттуда, откуда не ждали — со стороны тех самых наук, которые оную “таблетку и придумали!”). Теперь человечество стало наркозависимо от медицинских препаратов, и это уже культурный фактор нашего бытия, который также значим, как образование или религия. Вирусы (которых в мире становится все больше и природное многообразие которых все менее доступно для управления людям) становятся таким “инструментом естественного отбора”, хотя и действуют неизбирательно. Но, видимо, как и в XIX веке, остается неизменной истина: первыми гибнут слабейшие — не имеющие крепкого иммунитета (в широком смысле).

Таким образом, независимо от наших этических оценок и позиций, становится очевидным, что и вирусы участвуют в процессе “конструкции” человека нового типа и дать им этические или религиозные оценки будет затруднительно. Так может быть, задача гуманитарных наук — смягчить удар “технологической дегуманизации”, прежде всего, путем научного анализа и теоретической концептуализации происходящего, а уж затем — участвуя в разработке экспертных программ по корректировке возможных негативных последствий и предлагая разного рода запретительные предписания?

Доцент **И.А. Майданская** указала на то, что, охарактеризованный в выступлении С.М. Климовой процесс дегуманизации науки — финальный аккорд глобального “тренда” технизации культуры, о котором

вот уже на протяжении столетия пишут крупнейшие европейские философы. Проблема в том, как возможен, и возможен ли вообще, “гуманитарный поворот” в современной науке. Ясно, что для этого недостаточно одного нашего хотения: требуются некие объективные исторические условия, которых пока что нет. Человечеству вряд ли стоит искать спасения в метафизике (как предлагал Мартин Хайдеггер) или ограничении технологического развития (Жак Эллюль). Нет оснований и надеяться, что заботу о гуманитарных науках возьмет на себя государство или какой-либо рынок — “общественный (гражданский)”, “академический” или какой-то иной. Рынок, на который уповают сегодня практически все властные структуры как на действенный регулятивный механизм, в том числе и в науке, — это социальная мегамашина, превращающая человека в свою “винтик” или, если угодно, в “машину желания” (Жиль Делёз). Посему перемещение “гуманитарного этоса” в особые ниши рынка никак не может считаться принципиальным решением проблемы. В обществе современного типа, в мире, которым правят мегамашины рынка и государства, не стоит рассчитывать на полное развитие гуманитарных наук. Наука о человеке не может быть свободнее, чем самый ее предмет — Человек. Никакого волевого способа решить проблемы дегуманизации науки — и общественной жизни вообще, считает И.А. Майданская, в принципе не существует. Объективно-исторические проблемы решаются не иначе как самой историей. Так, обсуждаемая проблема создана развитием техники и технологий, и ключ к ее решению может быть найден лишь в этой же сфере. В частности, в последние десятилетия, практически на наших глазах, идет бурный процесс автоматизации. Рано или поздно целиком и полностью автоматизированными окажутся и функции традиционных “социальных машин”, в том числе

и рынка. Для человека эта (конечно, пока еще отдаленная) перспектива будет, видимо, означать освобождение от власти машины. Такого рода перемены — необходимое и достаточное условие кардинального изменения положения гуманитарных наук в обществе.

Это выступление внесло новую нотку в разговор о гуманитарных науках. Оно как бы напомнило собравшимся об их роли преподавателей, обязанных выполнять ряд важных задач и реализовать культурно-педагогическую миссию в отношении к тому самому человеку, который до этого фигурировал лишь как предмет отстраненного анализа. Так, проф. **М.С. Жиров**, много лет возглавляющий в университете такие гуманитарные направления, как теология и философия, рассказал о принятой в БелГУ концепции воспитательной работы. Один из ее важных пунктов — необходимость формирования гуманитарной среды университета как фактора развития общекультурных компетенций выпускника. Гуманитарная подготовка должна, по его мнению, стать в университете базовой по отношению к профессиональной. И потенциал социально-теологического факультета может сыграть здесь исключительно важную роль. Факультет осуществляет подготовку по шести направлениям: “Теология”, “Философия”, “Социальная работа”, “Политология”, “Культурология”, “Живопись”. На факультете действуют кафедры философии и теологии, социальной работы, культурологии и политологии, базовая кафедра региональных исследований социальной работы на базе Управления социальной защиты населения Белгородской области, а также Научно-образовательный центр социокультурных исследований, Центр профессионального сопровождения выпускников и мониторинга качества образования; Духовно-просветительский центр, Студия церковно-исторической живописи, курсы повышения квалификации для сотрудников учреждений соци-

альной защиты населения региона, волонтерская организация “По зову сердца”. (Этот принципиально междисциплинарный характер, ориентация не на дисциплинарные разграничения, а на объект, готовность объединить под одной крышей гуманитарное знание, гуманитарную деятельность, художественную практику чем-то напоминают принципы, положенные в основу журнала “Человек”.) Система постоянных связей между этими кафедрами и подразделениями обеспечивает особую гуманитарную среду, в которой происходит учебный процесс, способствуя развитию общекультурных компетенций студентов. Они, в отличие от других компетенций, являющихся основополагающими, поскольку имеют постоянный характер и могут рассматриваться как интегративная способность личности обучаемого.

Консолидация гуманитарной образовательной среды находится в тесной связи с созданием универсальной практико-ориентированной модели преподавания гуманитарных, экономических и социальных дисциплин на всех образовательных направлениях бакалавриата университета. На интегрированный подход к преподаванию ряда социальных и гуманитарных дисциплин, прежде изучавшихся разрозненно, и основана разработанная в университете Унифицированная модель преподавания гуманитарных дисциплин.

Обсуждение роли гуманитарного знания и единства знания продолжилось выступлением проф.

Т.И. Липич. В частности, она отметила, что деление наук на гуманитарные и естественные в нашей стране равнозначно несправедливому делению их на “неприоритетные” и “приоритетные”, то есть на те, которые приносят или не приносят реальную материальную выгоду или, как уже отмечалось, измеряются или не измеряются рыночными мерками и весами. Это совершенно неоправданная маркировка наук имеет далеко идущие и разрушительные последствия для духовной составля-

ющей человека. Так, уже высшее руководство страны жаловалось на резкое падение языковой грамотности подрастающего поколения, что заставило снизить минимальный порог необходимого количества баллов на ЕГЭ по русскому языку. Необходимость что-то делать с отсутствием навыков изложения мысли в литературной форме заставило заменить тест ЕГЭ — это главное “достижение педтехнологий” — на традиционное школьное сочинение. Очевидно, что нужен не один десяток лет, чтобы восстановить утраченные способности к свободному творческому мышлению. Не исключено даже, что утраченное уже не удастся реконструировать.

Эта же мысль была развита и в выступлении проф. **В.В. Липича:** “На духовности и нравственности нельзя сэкономить, потому что на вечном и святом не экономят и за счет него дополнительно ничего не выкраивают. В прокрустово ложе бухгалтерских смет и лекал оно не укладывается в силу своей многомерности. И попытки втиснуть расходы на духовность в некий бюджетно дозированный минимум — это ошибочный и тупиковый путь! Духовно-нравственные изъяны и потери гораздо страшнее финансовых издержек, и восполнить их, наверстать упущенное намного труднее, а подчас и не всегда возможно! Такие потери носят безвозвратный характер. И события последних месяцев в Украине — тому наглядное и трагическое подтверждение. В итоге же, понижение духовной планки неотвратимо приведет к нравственной ущербности, тупику и краху!”.

Тенденция к резкому снижению доли гуманитарных наук в учебно-образовательном процессе и экономии на духовности, коснулась, как известно, всех вузов страны, в том числе и Белгородского университета.

Проф. **Е.А. Кротков** попытался примирить обнаружившиеся разногласия, описав “толерантные страте-

гии” разного типа мировоззрений, которые так или иначе были продемонстрированы в ходе самой дискуссии. Он напомнил, что концепт “мировоззрение” — это не научно-теоретический конструкт, и его содержание связано с решением не только (не столько?) когнитивных, сколько экзистенциальных (смысло-жизненных) проблем. Неслучайно Р. Рорти [3] именовал мировоззрение “искупительной” истиной. Такая истина удовлетворяет человеческую потребность “увязать все на свете — все события, всех людей, все идеи — в некий единый контекст, который каким-то образом оказался бы естественным, предопределенным и единственно возможным”, а также “единственно значимым для определения смысла человеческой жизни, потому что только в данном контексте человеческое существование будет явлено в истинном свете”.

Ученый отметил, что смысло-жизненная проблематика, вопреки резко негативному отношению к ней естественников, антиметафизиков, трансгуманистов, никогда не утрачивала и, надо думать, не утратит актуальности. О том, что представляется столь важным для каждого человека, лучше все же говорить, чем молчать, — даже если не удастся говорить столь же ясно и доказательно, как это умеет делать наука. Существует множество мировоззрений, и это важный фактор сохранения социокультурного разнообразия человеческого сообщества. Но только это разнообразие не должно порождать недоверие, отчуждение и враждебность в отношениях между людьми, нациями и регионами и уж, тем более, между естествоиспытателями и гуманитариями. Не надо искать “заговоры”. Приемлемо любое мировоззрение, лишь бы оно исключало расовое и этнонациональное превосходство одних людей над другими, не содержало призыва к насилию, способствовало укреплению нравственного и психического здоровья личности.

Современные технологии не могут отменить и поиск самоидентификации. Человек может стремиться стать киборгом, роботом, технологически совершенным существом, а может бояться малейшего проявления в себе искусственности и отчужденности. Об этом говорил студент четвертого курса отделения философии **А. Теслев**. “Во-первых, чтобы избавиться от страданий, необходимо преодолеть чувственность как внешнюю, так и внутреннюю, необходимо преодолеть естественную (биологическую) природу человека, но остается открытым вопрос, как возможно такого рода преодоление? Если допустить последнее возможным, человек лишится иррациональных чувств (страх, ненависть, радость, счастье, любовь). Даже если допустить, что данные основы человеческого бытия, а также соотношение рационального и иррационального начал в человеке можно будет контролировать искусственно через электронные устройства и электронные средства коммуникации, в этом случае можно будет констатировать факт смерти понятия “человек” в его современном смысле. Такой человек лишится самосознания, он перестанет осознавать свою “самость”, которая будет подвергнута трансцендированию, то есть полностью выйдет за рамки его “Я”. Человек, лишенный самосознания не есть человек. Во-вторых, личность становится не только управляющей, но и потенциально управляемой теми же самыми потоками и через те же самые каналы. Помимо этого, если “искусственное сознание” или сознание, оснащенное электронным носителем информации, будет некой заданной программой или субстанцией доступной для программирования “извне”, в таком случае мы получим абсолютный “технологический детерминизм”, противоречащий всякой свободе”.

Стоит отметить, что проблема манипулирования сознанием — отнюдь не тема последних лет. Обсуждение возможности кардинально

инных способов манипуляции с помощью принципиально новых технологий — вопрос не этики, но гносеологии. Разговор о киборгах, о людях, слитных в своем самовосприятии с роботами, летательными аппаратами, — также принципиально научный, а не чисто моралистический. Этические оценки здесь должны быть результатами исследования, а не экзистенциальным криком ужаса перед неизбежным, все отвергающего человека с картины Эдварда Мунка.

Затруднительно, опираясь на набор общезначимых понятий, на абстрактную мораль, вести войну против всякого научного инакомыслия. Здесь невольно вспоминается ироничная фраза Л. Шестова — автора, по своей проблематике вполне “метафизического” и “религиозного”: “Раз мораль появилась на сцену — шапки долой, дальнейших разговоров не полагается” [5]. Например, не полагается увидеть незаметное исчезновение из обихода оппозиции природы и культуры. Мы ведь и глазом не успели моргнуть, как оказались в информационном пространстве культурных, идейных, социальных сопряжений, где не природа-культура, вера и разум, люди и технологи оппонируют друг другу, а одно цифровое пространство (digital place) — другому.

В целом обсуждение на Круглом столе было, как нам кажется, не просто полезным, но в чем-то пионерским. Опробован не просто

новый формат: дискуссия ученых и преподавателей регионального университета при импульсном докладе и модерации известного ученого. Была протестирована и важная содержательная новация, которая, видимо, будет становиться все более актуальной для нашего интеллектуального сообщества, — совместное обсуждение этически и мировоззренчески нагруженных проблем науки на площадке академической науки, с участием не только представителей естественных и технических наук и философов науки, но и теологов. Представляется, что опыт оказался удачным.

Литература

1. Делез Ж. Логика смысла. М., 1998.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М.: Интербук, 1990.
3. Рорти Р. Антиклерикализм и атеизм // Логос. 2008. № 4.
4. Смит Р. Быть или не быть человеком? Историческое знание и сотворение человеческой природы / Пер. с англ. И. Мюрберг, под ред. И. Сироткина. М., 2014.
5. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности // Шестов Л. Сочинения, М., 1995. С. 182.

© 2015 С.М. КЛИМОВА,
доктор философских наук,
профессор НИУ ВШЭ